Прошлое, настоящее, будущее и обратно

Мы опаздываем к художнику в гости. Мы забрели на непронумерованное пространство ненужной улицы и ищем несуществующий седьмой корпус. Единица превратилась в семерку. Семерка оказалась нереалистичной интерпретацией единицы. Мы добрались до мастерской только тогда, когда единица вернулась на свое законное место и оказалась корпусом №1.

У художника Александра Белугина это шестая мастерская. А первая была в уже далеких даже по историческим меркам восьмидесятых.

Сначала Александр учился на скульптора, потом увлекся акварелью, занимался книжной графикой. Когда очередь дошла до красок, образовался «реалистический период». О ту пору его привлекало лирическое отношение к жизни у Камиля Коро и художников Барбизонской школы. Но в какой-то момент реализм оказался исчерпанным. Александр говорит, что он не захотел стоять на месте и стал двигаться в направлении "открытого" цвета. Его заинтересовала идея спонтанного интуитивного процесса в живописи.

В середине 1980-х под свою первую мастерскую художник снимал в Лианозово половину одноэтажного деревянного дома. В то время Лианозово переживало вторую художественную волну. Первая волна пришлась на 60-е -70-е годы и связана с семьей Кропивницких и Оскаром Рабиным. И в 80-е место странным образом продолжало притягивать к себе художников-нонконформистов. По соседству находились мастерские белютинцев и художников с Малой Грузинской. Целая улица мастерских. Александр был вхож в лианозовскую художественную коммуну, но шел своим путем и, как он говорит сейчас, учился у всех. Поиск "открытого" цвета и своей художественной ноты не прекращается и сейчас. Живопись Белугина насквозь пропитана творческим и личным опытом художника. Можно сказать, что это личностная живопись.

После Лианозово у Белугина были мастерские в Текстильщиках и Куркино, потом настал черед Войковской. Мастерская размещалась в «сталинском» доме на улице Космонавта Волкова. Первоначально здесь была котельная, потом котельная стала студией художника-монументалиста, работавшего над огромными по метражу панно для метро в разных городах Советского Союза.

Шел 1997 год, первый год существования литературного клуба, кураторами которого до сих пор остаются художник Александр Белугин и математик и литератор Игорь Бурдонов. (Кстати сказать, «историческая» встреча отцов-основателей клуба состоялась в Лианозово, где Бурдонов живет до сих пор). Клуб находился на стадии

замысла, ясно было только то, что у клуба есть место – двухэтажная мастерская с атриумом, все стены которой завешены белугинскими картинами. Именно в этот безымянный для клуба момент на входной двери мастерской жэковские работники повесили табличку: «Подвал №1». Эта табличка и дала название клубу. Никакого андеграунда, никакой идеологии, просто табличка с «адресом» мастерской. Мастерская Белугина на протяжении первых семи (не отсюда ли появился несуществующий седьмой корпус?) лет существования клуба стала не только клубным пространством и средой обитания поэтов и музыкантов, академических и внеакадемических интеллектуалов, но и действующим лицом многочисленных перформансов и хэппенингов, монологов и споров, неизменно заканчивавшихся «общепримиряющим» чаепитием. Небезынтересно отметить, тем более, что в этом тексте мы уже «натыкались» на нумерологию, что в мастерской на Войковской за семь лет прошло 64 вечера. А в китайской Книге перемен, которая является многолетним интересом для обоих кураторов клуба, именно 64 гексаграммы! Эта цифра обозначает полный цикл развития и устремление в будущее.

В 1999 году клуб «Подвал №1» участвовал в фестивале «Неофициальная Москва». Из всех литературных клубов, упомянутых в изданном к фестивалю путеводителе, действует и подошел к сегодняшнему дню (февраль 2013-го) с первоначальными организаторами, похоже, только «Подвал №1». 64 вечера на Войковской инициировали все последовавшие за ними вечера. Можно предполагать и рекордное для литературных клубов «китайское» долголетие…

Мы в шестой мастерской художника Белугина. Мы – это, как нас иногда называют (кто одобрительно, кто – не очень), – «одноподвальцы». Мы не однажды посещали разные выставочные проекты, в которых Александр участвовал, но такого массива его картин, который составлял атмосферу клуба времен вечеров на Войковской, давно не видели. В сегодняшней, «действующей» мастерской, стало понятно, как нам этой атмосферы недостает.

Мы снова оказались в «непронумерованном» пространстве, но на этот раз на нужной улице. Картины здесь живут сами по себе, многие прячутся от посторонних глаз за спинами соседей. Как режиссер, по недоступной со стороны логике выводит того или другого актера своей театральной труппы на первый план, – так художник показывает картины, каждая из которых становится главным действующим лицом. Сменяют друг друга краски, формы, линии, объемы. И все это – звучит: то робко или уверенно, то настороженно тихо или оглушающее громко. Звуков и образов, которыми полны картины, нельзя избежать, как нельзя избежать музыки, находясь в концертном зале. Остается – смотреть, остается – внимать.

На авансцену выходят: *Поэт, Церемония, Икар, Фукусима, Прошлое, настоящее, будущее и обратно…*

«Прошлое, настоящее, будущее и обратно» – это название картины, которую отборочная комиссия питерской галереи EFA рекомендовала в «Русский музей». Пересказывать эту картину – дело рискованное, но почему бы не рискнуть?

Несколько пространств существуют в картине отдельно, и переходят одно в другое. Пространство первое: не то желто-белая дверь в конце черного коридора, не то черный объем, перекрывающий выход.

Пространство второе: не то черная открытая дверь, из которой прорывается летящая розовая простыня, которая, возможно не простыня, а бревно розового цвета, таранящее светящуюся желтую ширму в глубине окна.

Пространство третье: светящаяся желтая ширма, превратившаяся не то в подвал, не то в потолок.

Красная парадная дорожка, пересекает две плоскости со светящимся желтым цветом. По ней сразу в обеих плоскостях ползет пестрое червеобразное нечто. Граница плоскостей обрезает этому нечто голову. А может быть, это не червь, а узкая яма в полу, через которую видны сполохи света с нижнего этажа?.

Разноцветное колесо, напоминающее прозрачный купол парашюта, не то парит в воздухе, не то накрепко прибито ко всем плоскостям сразу.

Полосатая, напоминающая пограничный столб, горизонтальная линия пересекает верхнюю треть картины справа налево и в конце своей протяженности оказывается желто-белой стрелой с красным треугольником-наконечником, устремленным не то в закрытую белую дверь, не то в тупиковую желто-белую стену.

Драматургия одной картины… Где здесь прошлое, настоящее или будущее? В какой из дверей? На каком этаже? С каким вектором? Все смещено и все взаимодействует, хотя и неопределенно в деталях. А может быть, в названии картины есть отсылка к строчке из стихотворения художника:

Я готов к новой жизни. А вы?

Это приглашение к новому художественному восприятию? Тогда «обратно» из названия картины может оказаться отсылкой к вневременному и бытийственному, к самому себе, не привязанному ко времени.

Говорить о живописи – неблагодарное занятие. Но когда о своих полотнах говорит сам художник, к нему надо прислушаться:

– Я исследую жизнь, любовь, но методом искусства. Я не художник. Я занимаюсь чем-то другим методом искусства.

– Художник – человек, который способен воспринять (воспринимать) и ответить на

вопрос: «Зачем ты здесь?».

– Бывают конфликты между замыслом и результатом. Я рисую схему. Схема поднимает бунт, выводит на что-то другое. Стал писать жизнь художника. Получился человек в шляпе.

Главные действующие лица-картины калейдоскопично меняются: *Путешествие синего платка, Потерянная, Черная дева, Легенда незнакомки, Орган любви, Механика чувств...* Проходят женские портреты разной степени "фигуративности" – от узнаваемых до абстрактных.

На авансцене абстрактная картина. Называется "Встреча":На неоднородном синем фоне выделяются две полосы. Первая полоса разделена на три части: сверху – черная, потом – цветная, потом – светлая. У второй полосы те же три части, но расположенные в другом порядке.

Сверху вниз – светлая, цветная, черная. Черная полоса внизу напоминает нож гильотины.

Говорит художник, добавляя картине неожиданное измерение:

– Мужчина и женщина идут навстречу друг другу. Он идет из белой полосы. Встреча – цветная... Когда я сделал картину, я понял, что цветные полосы у нас совпали. Пространство вокруг нас изменилось. Промежуток открылся для любви. Потом идет черная полоса. У нее наоборот. Она идет из черной полосы, встреча – цвет, потом – белая полоса. Несовпадение.

Здесь в пору сделать маленькое лирическое – в буквальном смысле – отступление, и снова обратиться к лирике художника Александра Белугина, к его скрытому и "непрофильному" творчеству.

Образ твой на картине наградой
Для меня теперь будет всегда...

Художник Белугин не признает поэта Белугина. В литклубе за 15 лет Александр открывал все вечера, но читал свои стихи только несколько раз. Остается надеяться, что его стихи однажды выйдут на авансцену так же, как и его картины.

Калейдоскоп нереальных ландшафтов из вполне реальной жизни продолжается. Художник задает образы и оставляет простор для интерпретации. Картины и неожиданные подписи к ним, как в джазе, начинают тему. Дальше все зависит от зрителя.

Алла Биндер